P G
3476
A59
N4
1926
MAIN

UCB

Я. Аракинъ.

Непріятность въ небесахъ.

Изъ китайской миѳологіи.

孫悟空大閙天宮

Я. Аракинъ.

Непріятность въ небесахъ.

Изъ китайской миѳологіи.

孫悟空大鬧天宮

.03217413

MAIN

Всѣ права на настоящій переводъ
съ китайскаго сохранены за авторомъ.

PG 3476
A59 N4
1926
MAIN

НЕПРІЯТНОСТЬ ВЪ НЕБЕСАХЪ.

Изъ китайской миѳологіи.

Рожденіе Сунъ-У-Куна.

I.

СУНЪ-У-КУНЪ.

Когда земля нашла упоры—
Югъ, Сѣверъ, Западъ и Востокъ,
Въ странѣ О-Лай, гдѣ Ху-Го горы,

Лишъ первый дунулъ вѣтерокъ,
Великійдкамень раздвоился:
Яйцо вругъ выпало, стуча—
И изъ яйца того родился
Птенецъ, неистово крича....
И обезьяны видъ имѣя,
Какъ человѣкъ, онъ разсуждалъ,
Душой горя и пламенѣя,
Съ очей лучъ яркій источалъ.
Юй-Ди, въ дворцѣ своемъ небесномъ,
На тронѣ сидя средь боговъ,
Въ лучѣ внезапномъ и чудесномъ
Увидѣлъ нѣчто больше словъ—
И двухъ боговъ послалъ на землю
О свѣтѣ дивномъ все узнать
И, получивъ отвѣтъ: „Пріемлю,—
Изволилъ благостно сказать,—
„И обезьяну камневую—
„Пусть скачетъ, вольная, въ горахъ
„И ѣстъ и пьетъ въ жару дневную,
„Ночуетъ въ скалахъ и лѣсахъ!“
И вотъ, отъ камня жизнь начавши,
Птенецъ сталъ другъ всѣхъ обезьянъ,—
И время шло, и разъ, уставши,
Всѣ прыгуны разбили станъ
У шумныхъ водъ, у водопада.
Другъ всѣхъ рѣшилъ тутъ разузнать:
Откуда вѣетъ съ водъ прохлада?
И есть-ли водамъ что скрывать?
Чрезъ водопадъ скакнувши смѣло,
За водопадомъ онъ нашелъ
Пещеру, скрытую умѣло—

Въ пещерѣ городъ онъ обрѣлъ:
Дома изъ золота стояли,
Блистая въ кровляхъ дорогихъ,
Кругомъ сады благоухали,
Плоды давно созрѣли въ нихъ!
И обезьянъ подъ сѣнь пещеры
Храбрецъ по скорости собралъ,
И, удививъ всѣхъ выше мѣры,
Надъ ними царствовать онъ сталъ.
Однажды царь, забывъ веселье,
Съ слезой въ очахъ проговорилъ:
„Теперь пиры—потомъ похмѣлье!
„Пока живемъ—полны мы силъ....
„Но лишь Янъ-Ванъ, владыка ада,
„Съ земли къ себѣ васъ призоветъ—
„Тогда какая намъ отрада?
„Одна печаль въ аду насъ ждетъ!“
Въ отвѣтъ сѣдая обезьяна
Сказала, голову склонивъ:
„Увы, мы всѣ не безъ изъяна,
„И кто вполнѣ изъ насъ счастливъ?
„Какъ сны, проходятъ золотые
„Дни жизни нашей, а потомъ....
„Лишь Будда, духи и святые
„Безсмертны въ образѣ своемъ!“
—„Тогда хочу я научиться,—
Воскликнулъ царь,—какъ вѣчно жить:
„Часъ билъ, чтобъ съ вами мнѣ проститься!
„Пора въ путь дальній мнѣ спѣшить!“
И такъ рѣшивши, непреклонный,
Покинулъ тронъ онъ и народъ—
На плотъ, съ сосновыхъ иглъ сплетенный,

Ступилъ и двинулся впередъ.
На Югъ съ волной летѣлъ, стремился
И дни и ночи онъ— и, вотъ,
Зря рыбаковъ вдругъ, обратился
Онъ въ тигра страшнаго! И плоть
Оставивъ плыть въ волнахъ, какъ прежде,
Спугнулъ онъ встрѣченныхъ ловцовъ,
Все побросавшихъ—въ ихъ одеждѣ,
Ставъ человѣкомъ, межъ холмовъ
Пошелъ онъ въ городъ, что примѣтилъ.....
Но за стѣнами средь людей
Корысть, неправду-лишь замѣтилъ,
Да жажду славы въ кругѣ дней.
„Тутъ о безсмертіи не знаютъ!—
Подумалъ путникъ, огорчась—
„И путь стопы да продолжаютъ!"
Онъ молвилъ, съ городомъ простясь—
И вновь, подъ видомъ человѣка,
Онъ шелъ холмами, лѣсъ узрѣлъ....
И тамъ онъ встрѣтилъ дровосѣка,
Что пѣсню духовъ тихо пѣлъ.
„Ты—духъ? Святой ты? Ты—безсмертный?
Спросилъ пѣвца онъ—тотъ сказалъ:
„О, нѣтъ! Какъ всѣ—простой я смертный!
„А пѣсню духовъ я узналъ
„Въ жильѣ, отсюда недалекомъ—
„Гдѣ гротъ Санъ-Синъ.... Святой живетъ
„Въ уединеньи тамъ глубокомъ,
„И пѣсню эту онъ поетъ".
—„Да просвѣтитъ мои онъ вѣжды!"
Воскликнулъ ищущій, прямясь—
И, вотъ, оправилъ онъ одежды,

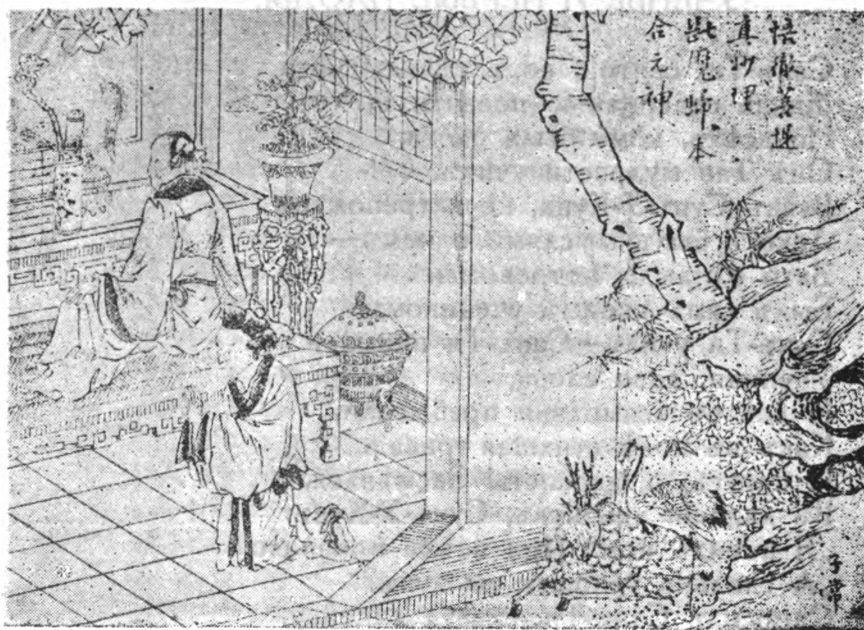
Итти къ святому соберясь....
И предъ святымъ происхожденье,
Свой путь, желанье онъ открылъ
И взятъ святымъ былъ въ обученье
И Сунъ-У-Куномъ названъ былъ.

II.

УЧЕНЬЕ И ПЕРВЫЕ ПЛОДЫ.

Санъ-Ти, святой, подъ сѣнью грота
Жизнь созерцанью посвятилъ,
Но всѣхъ, кому была охота,
Онъ Тао мудрости училъ.
Взявъ Сунъ-У-Куна, не встревоженъ
Аскетъ былъ мыслями о немъ—
Зато однажды потревоженъ
Былъ самъ своимъ ученикомъ:
Санъ-Ти училъ—Санъ-Ти внимали
Ученики, ловя слова,
И всѣ въ безмолвьи пребывали,
Какъ въ полѣ стихшая трава....
И вдругъ, о, дерзость! Засмѣялся,
Въ ладоши хлопнувъ, Сунъ-У-Кунъ:
„Я понялъ все!“ При всѣхъ признался.
„А сколько учишься ты лунъ?“
Спросилъ Санъ-Ти, схватя линейку.
„Не знаю—лунъ я не считалъ!“
Отвѣтилъ дерзкій, но, лазейку
Найдя тотчасъ-же, онъ сказалъ:
„Семь разъ я персикомъ питался!“

Санъ-Ти, возставъ, проговорилъ:
„Тогда семь лѣтъ ты обучался!“
И въ ходъ линейку тутъ пустилъ
И вышелъ вонъ-тѣмъ указавши,
Чтобъ Сунъ-У-Кунъ наединѣ
Съ нимъ говорилъ. День переждавши,
Зажглись-лишь звѣзды въ вышинѣ,
Къ аскету Сунъ-У-Кунъ явился.
Санъ-Ти всю ночь его училъ,

Сунъ-У-Кунъ у Санъ-Ти.

Изъ Тао тайнами дѣлился
Слова волшебныя открылъ....

И съ ночи той еще три года
Учился скрытно Сунъ-У-Кунъ:
До крайнихъ горъ, до небосвода
Подняться могъ онъ, ставъ летунъ,
И, изощрившись въ превращеньи,
Легко видъ разный принималъ....
И разъ въ заоблачномъ круженьи
Его учитель увидалъ:
„Ничто не трудно при вниманьи!—
Санъ-Ти сказалъ.—Теперь взгляну,
„Какъ сможешь, силенъ ставъ въ летаньи,
„Вдругъ превратиться ты въ сосну?“
И Сунъ-У-Кунъ въ одно мгновенье,
Спустясь съ небесъ, стоялъ сосной....
Рѣшилъ Санъ-Ти, что впрокъ ученье—
И отпустилъ его домой.
На Ху-Го свѣтломъ обезьяны
Съ почетомъ встрѣтили царя,
Къ ногамъ его несли бананы,
Усердьемъ, вѣрностью горя.
Но были всѣ полны печали
Всѣ лили слезы предъ царемъ:
Пещерой, встарь гдѣ пировали,
И золотымъ царя дворцомъ,
Придя изъ лѣса, богъ мохнатый,
Копытъ носитель, завладалъ
И, силой, хитростью богатый,
Вкругъ обезьянъ всѣхъ разогналъ!
Досадно стало Сунъ-У-Куну—
И, вотъ, къ пещерѣ онъ спѣшитъ,
Твердя: „Какъ листъ, бродягу сдуну—
„Въ дворцѣ моемъ не усидитъ!“

А, злой захватчикъ, чуя сѣчу,
Тутъ саблю острую беретъ,
И къ Сунъ-У-Куну самъ навстрѣчу,
Стуча копытами, идетъ.
Но безоружнаго встрѣчая,
Бросаетъ саблю богъ лѣсной—
Лишь прокричалъ, кулакъ сжимая:
„Съ разбитой будешь головой!"
И, гордый силой, замахнулся
На Сунъ-У-Куна въ тотъ же мигъ.
Но Сунъ-У-Кунъ ужъ увернулся,
Пещеры въ мигъ другой достигъ,
И мѣстъ тѣхъ царь—онъ оскорбился
И то-же крикнулъ: „Кулаки?"
Смущенный богъ остановился,
И Сунъ-У-Кунъ лишь пухъ съ руки
Тутъ бросилъ въ воздухъ: „Превращайся,—
Сказалъ,—мой волосъ въ вѣрныхъ слугъ
„И кулаками расправляйся!"
И превратился пухъ тотъ вдругъ
На удивленье бога лѣса
Въ три полныхъ сотни обезьянъ!
И, словно темная завѣса,
Вмигъ бога скрылъ весь этотъ станъ...
И скоро клочья лишь остались
Отъ побѣжденнаго толпой—
И съ Сунъ-У-Куномъ перебрались
Всѣ обезьяны въ городъ свой.

III.

НА ДНѢ МОРСКОМЪ И ВЪ АДУ.

Возсѣвъ на тронъ, народъ свой вѣрный
Призвалъ къ занятью Сунъ-У-Кунъ:
Задумавъ войско, полкъ примѣрный,
Да будетъ битъ любой драчунъ,
Собралъ онъ—далъ ножи и пики,
Всѣ деревянные. Уча,
Съ утра до ночи шумъ великій
Вкругъ подымалъ онъ сгоряча....
И вновь сѣдою обезьяной
Къ рѣшенью царь былъ приведенъ,
Она прошамкала: „Ой, рано
„Ты зашумѣлъ! Съ другихъ сторонъ
„Цари услышатъ вдругъ другіе—
„И на тебя пойдутъ войной!
„Ножи изъ дерева—плохіе
„Тебѣ друзья, какъ вступишь въ бой.
„Добудь желѣза для сраженья!
„Желѣзо есть лишь у людей....“
И Сунъ-У-Кунъ безъ возраженья
Принялъ совѣтъ. Вѣтровъ быстрѣй
Онъ полетѣлъ тутъ въ городъ шумный
Страны О-Лай и тамъ нашелъ
Народъ средь празднества безумный—
И вихрь на городъ онъ низвелъ.
Прервался праздникъ вдругъ веселый—
Въ дома укрыться людъ былъ радъ....
И Сунъ-У-Кунъ, сбивъ частоколы,

Дверь распахнулъ въ желѣзный складъ.
Опять съ руки сорвалъ онъ волосъ,
Пухъ въ обезьянъ онъ превратилъ—
Руками ихъ, возвыся голосъ,
Оружья складъ опустошилъ!
И ставъ владѣтелемъ желѣза,
Лѣсныхъ онъ духовъ покорилъ—
И, устрашась головорѣза,
Изъ духовъ злыхъ, кто близко жилъ,
Всѣ Сунъ-У-Куну покорились!
И росъ онъ въ славѣ съ каждымъ днемъ:
Его дѣламъ кругомъ дивились,
Могучимъ звали всѣ царемъ.
Но царь въ дворцѣ своемъ былъ скученъ,
Себѣ оружья не найдя:
То мечъ былъ легокъ, несподрученъ,
Изъ ноженъ съ лязгомъ выходя,
То щитъ былъ малъ, броня спиралась,
Копье сгибалось, смятъ былъ шлемъ—
Судьба какъ-будто зло смѣялась,
И Сунъ-У-Кунъ смущенъ былъ тѣмъ....
И въ третій разъ, стуча клюкою,
Къ царю старуха подошла
И стала шамкать: „Подъ водою,
„О, царь! Сама я не была—
„Но знаю точно: предъ потопомъ
„Юй-Цанъ владыка чудный мечъ
„И съ нимъ всѣ копья бросилъ скопомъ
„На дно морское, чтобъ сберечь....
„И съ той поры Лунъ-Ванъ, царь моря,
„Дары Юй-Цана стережетъ.
„Кто ихъ возьметъ—не вкуситъ горя!

„Тебѣ, о, царь! Все подойдетъ“.
Узнавъ про чудо вдругъ такое,
Не мѣшкалъ дѣломъ Сунъ-У-Кунъ—
И прямо съ горъ на дно морское
Прыжкомъ однимъ скакнулъ летунъ.
На днѣ къ Лунъ-Вану не пускали
Сначала гостя сторожа—
И повели, когда сказали
Царю о всемъ, ему служа.
О Сунъ-У-Кунѣ полный слухомъ,
Лунъ-Ванъ Юй-Цана мечъ отдалъ—
И Сунъ-У-Кунъ его за ухомъ,
Уменьшивъ мѣру, подержалъ.
То видя, чудища морскія
Затрепетали и съ тоски
Втянули шеи травяныя
И распустили языки....
А Сунъ-У-Кунъ, нагнавши страху,
Имѣть доспѣхи пожелалъ
И, выбирая, не далъ маху—
Лунъ-Вана просто обобралъ!
Царь дома задалъ пиръ великій,
И больше всѣхъ напился самъ—
И сну предался красноликій,
Воззвавъ къ видѣньямъ и мечтамъ.
Во снѣ къ нему явились двое,
Съ веревкой длинною пришли—
И душу, спящую въ покоѣ,
Связали крѣпко, повели!
И Сунъ-У-Куну поневолѣ
Пришлось подъ стражею итти—
И видитъ вдругъ онъ городъ въ полѣ,

Высокихъ стѣнъ не обойти...
А на воротахъ надпись въ краскѣ:
„Предѣлы ада." Лишня рѣчь!

Сунъ-У-Кунъ у „Предѣловъ ада".

Тутъ онъ очнулся, какъ при встряскѣ,
Схвативши съ уха чудный мечъ,
Вмигъ стражу злую обезглавилъ,
Крича неистово: „Долой!"
И, ставъ свободенъ, путь направилъ
Онъ къ князю адскому Шенъ-Ло
И по дорогѣ всю ораву

Сновавшихъ духовъ напугалъ.
„Тащили по какому праву?“
Онъ на Шенъ-Ло въ дворцѣ кричалъ.
„Васъ въ списокъ мертвыхъ записали!
„Да по ошибкѣ можетъ быть“....
Шенъ-Ло отвѣтствовалъ въ печали,
Не зная какъ тутъ поступить.
„Вранья не мало средь записокъ!“
Такъ Сунъ-У-Кунъ, сердясь, рѣшилъ
И, получивши въ руки списокъ,
Свое онъ имя соскоблилъ—
А съ нимъ и родъ весь обезьяній!
И, не раскланявшись, ушелъ.
Въ вѣнцѣ исполненныхъ желаній
На тронъ свой гордо царь взошелъ.
Шенъ-Ло не скрылъ передъ Лунъ-Ваномъ
Обидъ, таившихся въ груди—
И оба въ облакѣ багряномъ
Явились съ жалобой къ Юй-Ди.
Юй-Ди не въ шутку разсердился,
Но богъ Тай-Бэй посмѣлъ сказать:
„Жить вѣчно царь тотъ научился—
‚На небеса-бъ его позвать!“

IV.

НА НЕБЕСАХЪ.

Прибыть на небо приглашенный
Посломъ Тай-Бэемъ, богу вслѣдъ
Вотъ Сунъ-У-Кунъ весьма польщенный,
Летитъ, земли теряя слѣдъ....

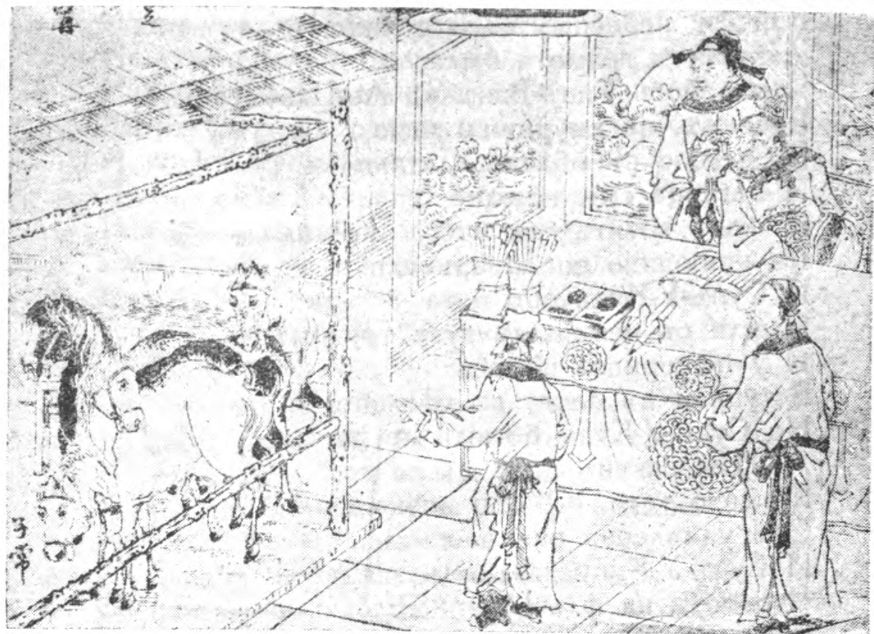
И, вотъ, предъ нимъ Юй-Ди палаты—
Въ небесной выси, на горѣ,
Дворецъ изъ золота богатый,
Въ нефритахъ весь и въ серебрѣ,
Горя, какъ солнце, показался....
Но у воротъ былъ караулъ—
И Сунъ-У-Кунъ съ нимъ поругался,
Чрезъ караулъ перескакнулъ
И, позабывъ о провожатомъ,
Въ жилище чудное вбѣжалъ.
Цвѣтовъ небесныхъ ароматомъ
Дворецъ былъ полнъ, благоухалъ....
Сіяли звѣзды безъ истомы,
Не угасая, въ потолкахъ—
Ихъ отражали водоемы
Въ блестящихъ радужныхъ лучахъ....
И вкругъ курильницы дымились—
Дымъ сладкій струйки источалъ....
И вдругъ широко растворились
Рѣзныя двери въ пышный залъ.
Юй-Ди, за ширмой ликъ скрывая:
"Гдѣ Сунъ-У-Кунъ?" Боговъ спросилъ.
А гость, приличья нарушая:
„Я—здѣсь!" Всѣхъ раньше возвѣстилъ.
Юй-Ди, въ томъ зря несовершенство,
Во избѣжанье всякихъ золъ,
Для Сунъ-У-Куна въ миръ, блаженство
Лишь мѣсто конюха нашелъ.
Но Сунъ-У-Кунъ былъ радъ сначала
За лошадьми Юй-Ди ходить—
И разъ конюшня вся не спала,
Рѣшивъ отъ яствъ, вина вкусить....

И на пиру томъ величаться
Сталъ Сунъ-У-Кунъ, какъ господинъ—
А кучера давай смѣяться,
Сказавъ, что конюхъ—низкій чинъ!
Весь красный, горечи предавшись,
Вскочилъ съ сидѣнья Сунъ-У-Кунъ—
И вмигъ съ небесъ, не попрощавшись,
Домой, на землю, прыгъ летунъ!
И на дворцѣ своемъ въ печали
Онъ поднялъ флагъ, грозя богамъ—
И всѣ на флагѣ томъ читали:
„Великій, равный небесамъ“.
Юй-Ди, небеснымъ властелиномъ,
Дана тутъ грамота была,
Чтобъ богъ Тянъ-Ванъ съ Ао-Цзы сыномъ
Вдвоемъ, не хмуривши чела,
На землю въ облакѣ слетали
И бѣглеца ему нашли
И, какъ хотятъ—но чтобъ поймали
Въ конюшню снова привели!
И Сунъ-У-Куна обо бога
Нашли съ немалымъ тутъ трудомъ
И у пещернаго порога
Вступили въ битву съ бѣглецомъ.
Но Сунъ-У-Кунъ богамъ не дался—
Ао-Цзы раненъ даже былъ!
Когда о томъ Юй-Ди дознался—
Отъ удивленья онъ застылъ...
И Сунъ-У-Куну далъ онъ званье—
Что тотъ на флагѣ написалъ,
Дворецъ съ садами въ обладанье
На небесахъ ему онъ далъ.

V.

НАЧАЛО НЕПРІЯТНОСТИ.

И такъ, небесныхъ вдругъ владѣній
Хозяинъ ставъ, въ дворцѣ своемъ
Жилъ Сунъ-У-Кунъ средь развлеченій,
Не занятъ службой и трудомъ.
Но какъ-то разъ Юй-Ди владыкѣ
Совѣтникъ ближній доложилъ:
„Вѣдь Сунъ-У-Кунъ съ бездѣлья въ лыкѣ—

Сунъ-У-Кунъ (сидитъ) въ конюшнѣ Юй-Ди.

„И то забаву находилъ!
„И онъ не мало безобразилъ,
„Его намъ трудно унимать....
„И какъ-бы вновь не напроказилъ—
„Ему-бы должность надо дать“.
Юй-Ди совѣтъ тотъ озадачилъ—
Вѣдъ мѣсто надобно имѣть!
Все-жъ, Сунъ-У-Куна онъ назначилъ
За садомъ персиковъ смотрѣть.
Въ саду деревьевъ было счетомъ
Всего три тысячи шестьсотъ,
Изъ нихъ на тысячѣ налетомъ
Покрытъ особеннымъ былъ плодъ....
И кто съѣдалъ тотъ персикъ сладкій—
Того и жизнь была длинна,
Тотъ жилъ вѣками, безъ оглядки,
Какъ солнце, звѣзды и луна!
И Сунъ-У-Кунъ всѣ безъ остатка
Плоды съ той тысячи поѣлъ
„Теперь не будетъ жизнь мнѣ кратка!“
Чуть не задохшись, прохрипѣлъ.
Ванъ-Му богиня въ это время,
Рѣшивши празднество начать,
Послало духовъ низшихъ племя
Плодовъ въ корзины ей набрать.
Хранитель сада испугался,
Не зная—что ему сказать,
Таясь, на дерево забрался
И, сжавшись въ карлика, сталъ ждать.
Потомъ обдумавъ положенье,
На духовъ съ дерева упалъ—

Ставъ Сунъ-У-Куномъ во мгновенье,
Отъ нихъ узнать онъ пожелалъ:
Внесенъ-ли въ списокъ приглашенныхъ?
Богиней будетъ званъ иль нѣтъ?
„Ванъ-му зоветъ однихъ влюбленныхъ!“
Услышалъ краткій онъ отвѣтъ.
Вздохъ подавивъ въ груди невольный,
Для всѣхъ невидимый онъ сталъ—
И раньше духовъ, въ летѣ вольный,
Въ дворецъ къ богинѣ онъ попалъ.
Тамъ пира, празднества всѣ ждали
Отъ яствъ ломился длинный столъ....
Но яства слуги охраняли—
И Сунъ-У-Кунъ ногой о полъ
Тутъ даже топнулъ отъ досады!
И пухъ съ руки онъ превратилъ
Въ жука снотворнаго—награды
Себѣ сталъ ждать.... Жукъ закружилъ—
Жужжа, заснуть всѣхъ слугъ заставилъ!
И Сунъ-У-Кунъ, незванный гость,
Къ столу шаги тогда направилъ—
Ѣлъ все, глодая даже кость!
Насытясь, тихо удалился
И по дорогѣ въ свой дворецъ
Въ дворцѣ Лао-Цзы очутился.
Съ воротъ онъ видѣлъ, какъ мудрецъ
Встрѣчалъ боговъ, что прилетали....
Войдя, узрѣлъ онъ три ковша—
„Пилюли Жизни“ въ нихъ лежали,
Лежала вѣчная душа!
И Сунъ-У Кунъ на слугъ вторично

Сонъ напустилъ—пилюли съѣлъ,
Но отъ повадки неприличной,
Все-жъ, страхъ онъ въ сердцѣ возымѣлъ...
Въ дворецъ небесный не вернулся—
Юй-Ди вѣдь близко обиталъ!
За край небесъ онъ перегнулся—
Въ дворецъ на Ху-Го тутъ бѣжалъ.
Узнавъ о всемъ, Юй-Ди ужъ войско
На Сунъ-У-Куна снарядилъ—
Но Сунъ-У-Кунъ въ борьбѣ геройской
И войско даже побѣдилъ!

VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ НЕПРІЯТНОСТИ.

А въ небесахъ объ это время
Къ Ванъ-Му смущенной во дворецъ
Пу-Шà, богиня, Свѣта Сѣмя,
Украсясь тысячью колецъ,
Отвѣдать персиковъ явилась....
Узнавъ, что праздникъ отмѣненъ,
На Сунъ-У-Куна прогнѣвилась,
Вскричавъ: „Достоенъ кары онъ!"
И двѣ богини въ огорченьи,
Не съѣвъ и персика, къ Юй-ди
Летѣть рѣшили и въ прошеньи
Одно-лишь молвили: „Суди!"
Юй-Ди, принявъ богинь прелестныхъ,

За чаемъ все имъ разсказалъ:
„Сто тысячъ воиновъ небесныхъ
„На Сунъ-У-Куна я послалъ.
„Да толку мало—не дается"....
Пу-Ша̀ сказала: „Господинъ!

Сунъ-У-Кунъ.

„Тогда Эръ-Ланъ, какъ мнѣ сдается,
„Племянникъ твой, лишь онъ одинъ,

„Съ пройдохой этимъ совладаетъ!“
Юй-Ди подумалъ и рѣшилъ:
„Ну, что-жъ, пусть счастья попытаетъ!“
И повелѣть онъ поспѣшилъ.
Узрѣвъ Эръ-Лана, самъ въ Эръ-Лана
Вмигъ превратился Сунъ-У-Кунъ,
Но, не спасясь тѣмъ отъ изъяна,
Взлетѣлъ, какъ птичка-щебетунъ.....
Эръ-Ланъ, ставъ соколомъ, пустился
Добычу, рѣя, догонять....
У моря въ рыбу превратился
ТутъСунъ-У-Кунъ, чтобъ убѣжать—
Эръ-Ланъ сталъ чайкой, рыбѣ ходу
Онъ не давалъ въ волнѣ морской.....
И, видя близкую невзгоду,
Сталъ Сунъ-У-Кунъ тогда змѣей—
Эръ-Ланъ сталъ аистомъ, и тщетны
Змѣи увертки были всѣ.....
И Сунъ-У-Кунъ тутъ въ храмъ запретный,
За стѣны скрывшійся въ красѣ,
Вдругъ превратился. Зря коварство,
Эръ-Ланъ хотѣлъ разрушить храмъ....
Тутъ Сунъ-У-Кунъ ужъ на мытарство
Себя обрекъ, бѣжавъ къ горамъ,
И, вновь въ Эръ-Лана превратившись,
Въ монастырѣ укрылся онъ.
Эръ-Ланъ, съ погони утомившись
И слыша колокола звонъ,
Путь въ монастырь тотъ самъ направилъ—
И Сунъ-У-Куна тамъ нашелъ!
И руку вновь храбрецъ расправилъ,

На Сунъ-У-Куна вновь пошелъ—
И биться снова оба стали,
Въ бою попрежнему легки.....
Пу-Шà бой видѣла—въ печали
Кольцо вдругъ сбросила съ руки
И Сунъ-У-Куну въ лобъ попала!
И онъ упалъ, кольца не снесъ—
И тутъ собака покусала
Его, Эръ-Лана вѣрный песъ.
Съ ногой прокушенной, упавшій,
Лишь издававшій хрипъ и стонъ,
Съ землею кровь свою смѣшавшій,
Былъ Сунъ-У-Кунъ тутъ побѣжденъ.

VII.

ВОЗМЕЗДІЕ.

На небеса тогда-жъ доставленъ,
При звукахъ трубъ и громкихъ струнъ
На мѣсто казни былъ поставленъ
Бѣдъ натворившій Сунъ-У-Кунъ.
Но мечъ на немъ лишь затупился,
Огонь не сжегъ въ немъ ничего,
И громъ, когда онъ разразился,
Не ранилъ молніей его!
Юй-Ди надежды обманули,
И далъ Лаò-Цзы тутъ совѣтъ:

„Вѣдь плутъ ѣлъ персики, пилюли!
„Чтобъ небожителя примѣтъ
„Его лишить—необходимо
„Въ печь Ба-Куа̀ плута сажать....
„Въ печи той все всегда спалимо,
„Въ ней никому не устоять!“
И Сунъ-У-Кунъ былъ въ печь посаженъ,
Подъ крышкой даже онъ сидѣлъ—
Былъ караулъ смотрѣть наряженъ,
Чтобъ не потухъ огонь, горѣлъ.....
Юй-Ди восчувствовалъ отраду,
Мня Сунъ-У-Куна злой конецъ—
И Жизни сто пилюль въ награду
Эръ-Лану далъ и сто колецъ.
Но сорокъ дней, все не сгорая,
Въ печи вертѣлся Сунъ-У-Кунъ!
И, крышку разъ приподымая,
Бѣжать надумался летунъ—
У караула изъ подъ носа,
Часъ улучивъ, онъ улизнулъ!
Тутъ для совѣта, для вопроса
Юй-Ди къ Жу-Лаю заглянулъ—
И Будда вызвалъ Сунъ-У-Куна:
„Чего ты хочешь?—Вопросилъ.—

„Не золотого-ль хочешь руна?
„Иль большихъ званій? Большихъ силъ?"
—„Юй-Ди сѣдалища желаю—
„Небесъ владыкой стать хочу!"
Отвѣтилъ спрошенный Жу-Лаю.
—„Когда тебѣ то по-плечу—
„Садись въ ладонь, скачи въ ладони!
„И если спрыгнешь—въ небесахъ
„Твои всѣ будутъ духи, кони,
„Юй-Ди не будетъ жить въ дворцахъ."
Сказалъ Жу-Лай, ладонь раскрывши—
И, вотъ, впервые задрожалъ
Вдругъ Сунъ-У-Кунъ.... Все позабывши,
Отъ Будды прочь онъ побѣжалъ.
Жу-Лай нахмурился, направилъ
Ладонь онъ вслѣдъ по бѣглецу—
И тѣмъ Великій зло исправилъ
И повелѣлъ притти концу.
Пять пальцевъ стали вдругъ горами—
И Сунъ-У-Куна тѣ пять горъ

От҃ міра скрыли! Небесами
Забвенью предан҃ был҃ позор҃.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ „ПЛАМЯ"

Д. И. ПОЗДНЯКОВА.

Маньчжурія, Харбинъ-Пристань.

Пекарная 2, почт. ящ. № 263.

Худож. тип. Г. Сорокинъ и К-о.
Харбинъ, Короткая 15.
1926 г.

50-

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ „ПЛАМЯ"

Д. И. ПОЗДНЯКОВА.

Маньчжурія, Харбинъ-Пристань.

Пекарная 2, почт. ящ. № 263.

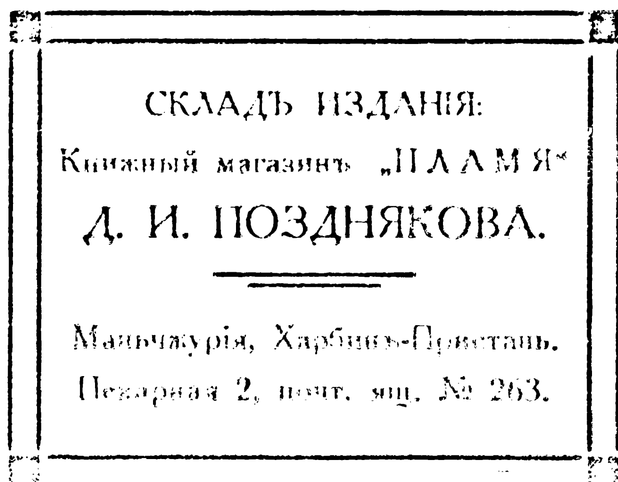
Худож. тип. Г. Соркинъ и К-о.
Харбинъ, Короткая 15.
1926 г.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C006278534

50-

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ „ПЛАМЯ“

Д. И. ПОЗДНЯКОВА.

Маньчжурія, Харбинъ-Пристань.

Пекарная 2, почт. ящ. № 263.

Худож. тип. Г. Сорокинъ и К-о.
Харбинъ, Короткая 15.
1926 г.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C006278534

